

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (63). 2011. № 2. С. 3-11.

УДК 12

БУДУЩЕЕ ЗА СИНКРЕТИЗМОМ? (К ВОПРОСУ О СТИЛЕ МЫШЛЕНИЯ)

Архангельская А.С.

Автор предлагает краткую версию концепции интегративности познавательных и ценностных подходов (гносео-аксиологических) для обозначения плодотворности роли синкретизма в качестве стиля мышления.

Ключевые слова: взаимодополнительность, синкретизм, интегративность, трансдисциплинарность, многомерность, стиль мышления, интертач (intertouch).

«А что это за стиль работы?
...мы не ограничиваем себя какими-то рамками...
Мы...проповедуем «open mind»,
открытость всему новому» [1, с. 15].

Предметом исследования является синкретизм как способ открытого мышления. **Цель статьи:** определить специфику синкретизма в контексте методологии трансдисциплинарности.

Актуальность и степень научной разработанности проблемы. Открытость всему новому, т.е. «OPEN MIND», - это вполне простодушное признание сравнительно молодых физиков. Оставим их обозначение. Предпринимая очередную попытку расшифровки наиболее плодотворных и новаторских проявлений, столь актуальных сегодня, именно синкретизма, как стиля мышления и трансдисциплинарности как метода соотнесения самых разных сфер познания мира [2, с.42] нам хотелось бы показать их внутреннее родство и взаимообусловленность. И, разумеется, обе эти дефиниции (несколько тяжеловесные и вряд ли знакомые физикам, только что получившим нобелевскую премию) проигрывают их open mind. Но в качестве возможного компромисса можно предложить ещё один термин – это т.н. взаимокасание – intertouch. Мне этот интертач, или взаимокасание давно импонирует ещё и потому, что даёт возможность обратить внимание на столь же знакомый, сколь и недооценённый до сих пор принцип связи всего сущего. И тогда оказывается, что речь здесь должна идти не столько о познании, а о гораздо более сложном обозначении наших попыток проникновения в суть вещей. Мы имеем в

виду понятие постижения. На наш взгляд, преимущество этого понятия, прежде всего, в том, что оно не сворачивает нас на дорожку (или тропинку) к заросшему ряской гносеологическому болоту (это критическое выражение принадлежит М.С. Кагану), а выводит на дорогу к творческому взаимодействию с ценностными подходами. Ибо постигать мир (и вне и внутри себя, т.е. в процессе саморефлексии), не обращаясь к интегративным возможностям аксиологии, для подлинно философского его осмысления вряд-ли удастся.

Следует вкратце объяснить значение понятия синкретизм в данном контексте. Фактически, речь здесь идет о т.н. новом синкретизме как другой (в отличии от традиционной) системе координат. Нас интересует феномен синкретизма, как особого стиля мышления, его основания и ценности.

Как известно, для мифа, как архаичной формы осмысления мира, было характерно включение в себя прежде всего трех форм отношения к миру – этики, религии и зачатков эстетического восприятия. Главной особенностью этого феномена было прежде всего хаотическое переплетение не только этих трех форм, из которых потом выросли известные формы общественного сознания. В этом коме разноцветной пряжи можно и сейчас найти нити зачатков будущей философии и науки, не говоря уже о ранних стадиях права с его нормами ограничений и запретов. Разумеется, мифологическое сознание вовсе не принадлежит только временам архаики и античности. Оно прекрасно сосуществует с современным сознанием в качестве своеобразных мифологем, трансформируясь в причудливые формы или информационного зомбирования или информационных войн. Именно это проявление и функцию современного мифа убедительно показывает Рената Гальцева в своей статье «Западно-европейская культурология между мифом и игрой»: «Итак, несмотря на систематические апелляции к неисследимой древности и первобытным началам, культур-мифологическое мышление вряд ли может оспорить, что оно есть не что иное как философский модернизм: представляет собой специальным конструированием мыслительных схем. Здесь налицо эрозия мировоззренческих и этических устоев, наводящая на мысль о философском декадансе. Укореняя культуру и человеческий мир в стихии досознательного и разрушая тем самым культурный космос, новая мифологема не способствует устойчивости современного сознания» [3, с. 22].

На наш взгляд, проблематика новых мифологем всё-таки прежде всего связана со всё более углубляющимся процессом дегуманизации не только искусства, но и всего спектра человеческих связей в социуме, а, следовательно, это – предмет исследования целой вавилонской башни разных наук и всех разделов философии с политологией. Но нас-то более всего занимает некая тайна нового синкретизма, для обретения стилем мышления которого мало повторить известные условия: нестандартность и гибкость мышления, широта кругозора и способность «находить золото (в виде песка или целых самородков) не только на своей делянке», если сравнить учёного со старателем.

Именно такой метафорой обозначал поиск оптимального решения или нахождения искомого результата в эксперименте Ираклий Андронников [4].

У физика или лирика «не своей делянкой» может оказаться любая другая сфера иного творчества: для естествоиспытателя это может быть музыка – (скрипка в руках Эйнштейна или томик Достоевского для него же или для его коллеги). Для

писателя это может быть живописное полотно или живой пейзаж, панорамно открывающийся в ранее незнакомых местах. Достаточно давно известна закономерность, что изображение и слово втягивают себя в самосознании поэтов – неписаное правило взаимодополнительности. Вот отсюда и как бы само собой напрашивается очень простое, казалось бы, определение оснований нового понимания синкретического стиля мышления. Оказывается, что это есть органическая взаимосвязь, (соединение) преимуществ (или достоинств) научного и художественного стилей. Выше, касаясь специфики мифа, мифологического способа осмысления мира и себя в этом мире, нам пригодилась метафора о хаотическом коме разноцветной пряжи, где перепутаны нити этического, эстетического, религиозного и первых догадок научно-философического плана. Для нового синкретизма характерна ситуация не столько совокупности, сколь системности составляющих его частей. Ведь его формирование после Хаоса постепенно перешло в стадию Космоса. Но это вовсе не означает, что большая упорядоченность знакомого лишилась непредсказуемости в открытии Незнаемого. И вот здесь вступает в свои права значимость ценностного подхода. Если ценности – есть «жизненные смыслы» - (по В.Н. Сагатовскому)¹ [5], то оказывается, что даже не вполне осознанное и скорее – просекаемое на чувственном (а точнее – подсознательном) уровне значение главного смысла своего бытия и есть необходимый поводья, регулятор жизнедеятельности. И здесь было бы уместно оглянуться на некоторые итоги размышлений Абрахама Маслоу в его работе «По направлению к психологии бытия» [6, с. 127]. В главе «Базовые потребности и их иерархическое строение» он рассматривает базовые потребности личности как «шаги по пути к самоактуализации». Далее Маслоу утверждает, что «...мы можем решить множество проблем, связанных с ценностями, над которыми безуспешно бились философы в течение нескольких веков Всё выглядит так, как будто СУЩЕСТВУЕТ единая для всего человечества ценность, цель, за которую борются все. Различные авторы называют её по-разному: самоактуализация, самореализация, интеграция, психологическое здоровье, индивидуация, автономия, творчество, продуктивность. Но все они согласны в одном – это итог реализации всех возможностей человека, превращение в полноценного человека, реализация всего, чем человек может стать» [там же].

Как известно, для расширения творческого кругозора в процессе становления ценностных ориентаций, начиная с самых ранних стадий, разную роль играют разные факторы. Их взаимосвязь, их взаимообусловленность, обнаруживают, как называл его Маслоу, «парадокс между Бытием и Становлением». Мы переходим к Становлению через «пик-переживания», т.е. через промежуточные, переходные состояния абсолютного Бытия» (там же). На наш взгляд, разрешение этого парадокса зависит от возможностей нашего выбора, которые мы способны осознать, или, если хотите, к которым мы предназначены (генетикой и средой обитания).

Под средой обитания мы подразумеваем здесь, прежде всего присутствие или отсутствие тех или иных факторов общения. А так, как речь идёт о ценностных

¹ В разделе Аксиология автор рассматривает ценности как своеобразные символы, отражающие жизненное кредо субъекта. Причём, эти символы обладают свойством т.н. «семантической текучести» (А.Ф.Лосев). А это означает присутствие принципа многозначности и полиинтерпретируемости символа.

ориентациях и их взаимообусловленности с процессом познания и самопознания, то нам важно выделить самые приоритетные факторы. Если психолога и психиатра Маслоу заботит прежде всего проблема психического здоровья, и он, рассматривая цепочку базовых потребностей (их иерархию), называет сначала безопасность, потом – любовь, а еду, разумеется, как самую сильную потребность. А в нашем поиске приоритетов мы не находим у Маслоу тех, которые считаем самыми важными потребностями. Итак, для становления и развития потребностей и способностей к творчеству (научному, художественному, дизайнерскому, и, конечно, философскому), огромное значение имеют два следующих вида общения, не названных А. Маслоу.

Они разные, и в то же время, затаённая сила их влияния может оказаться равной по значимости мотивации творчества. Итак – первый вид общения – это то, что Илья Пригожин называл «Диалог с Природой». А второй – общение с искусством во всей бесконечности его многообразия для обретения синкретического стиля мышления как раз необходимым условием, а, следовательно, и будущим обоснованием его гибкости и т.н. нестандартности. Обратимся же прежде всего к 1-ому виду общения – диалогу с ПРИРОДОЙ.

Отговорила роща золотая // Берёзовым весёлым языком - эти есенинские строчки свидетельствовали, что поэту с детства была открыта способность «говорить с природой на её языке». Здесь важна мысль о вашем выборе позиции, с коей вы могли бы и готовы говорить с природой. Если природа в русле традиций технологической и антропогенной цивилизации – всего лишь объект, тогда ни о каком диалоге речь не идёт, а пригожинское словосочетание – всего лишь – поэтическая метафора нобелевского лауреата. В заключительной главе своей последней книги, как завещанием названной автором, М.С. Каганом – «Человечество перед альтернативой: быть или не быть», как раз нам в тему говорится следующее – «диалог ведь является МЕЖСУБЪЕКТНОЙ связью, а природа – объект деятельности человека..., но не СУБЪЕКТ... И всё же выражение «ДИАЛОГ с ПРИРОДОЙ» приобрело философский смысл, ибо необходимо радикально изменить отношение КУЛЬТУРЫ к НАТУРЕ, преодолев веками укоренившееся присвоение человеком статуса ЦАРЯ ПРИРОДЫ» И далее автор подчёркивает значение развитого чувства «ДУХОВНОГО ЕДИНЕНИЯ С ПРИРОДОЙ, для чего так важно обладание пока ещё крайне редко встречающегося дара бескорыстного отношения к ней» [7, с. 27].

Добавим от себя, что именно в БЕСКОРЫСТНОЙ любовании красотой природы и сочувствии её убывающей мощи и заложена спасительная тревога о том, что пространство девственной красоты и природной мощи сжимается, как шагреньевая кожа.

Утерянный рай ещё языческого единения человека и природы и необходимость формирования, взращивания и воспитания «диалогически-глобалистского» сознания современного человека – как бы ещё один сюжет «ВОЗВРАЩЕНИЯ БЛУДНОГО СЫНА» – человека к матери- природе... Вот здесь мы позволили себе обратиться к стилю ЭССЕ, и тем самым подходим к порогу краткой характеристики такого проявления синкретизма, как эссеистский стиль выражения мысли.

Вот условных три «кита» оснований и особенных черт эссеистского стиля:

ПЕРВЫЙ кит – ассоциативность мышления и метафоричность стиля выражения мысли. Эта ассоциативность и сама способность личности к неожиданным сопоставлениям, извлекаемым, как правило, мгновенно из т.н. запасников подсознания - особого рода. Когда искусство определяют как «мышление в образах», подразумевается что существует различие между образами просто наглядными, и художественной образностью. Художественный образ, прежде всего, несёт на себе отражение авторской индивидуальности, в то время как нейтральность наглядного может обладать даже большей точностью деталей. Итак, синкретическая ассоциативность - основание для рождения метафоры, а метафоричность стиля – вполне может быть присуща и учёному (не говоря уже о философе), обладающему широтой кругозора, а значит, он открыт всему новому (тот самый *open mind*). Но особый род этой ассоциативности нельзя свести к метафоричности, аналогичной цепи художественных ассоциаций учёного - исследователя, или философа, размышляющего в синкретическом ключе о судьбах мира (и себя в этом «лучшем из миров»). Мы должны подчеркнуть, что эти ассоциации, эти сравнения носят смешанный, зачастую парадоксальный, и, как правило, остроумный характер. Вот один из примеров такой парадоксальности, найденной мною в одной из статей известного химика Э. Чаргаффа: «Из-за чрезмерной специализации мы иногда получаем массу никому ненужной информации; попробуйте обратиться к разделу науки, который вы хорошо знали лет десять или двадцать тому назад: вы почувствуете себя НЕЗВАНЫМ ГОСТЕМ – как если бы, войдя в свой собственный дом, вы обнаружили в ванне 24 серьёзных специалиста...» [8, с.63]

ВТОРОЙ кит - ёмкость информации на единицу площади текста, которая умещается в поэтическую или иную метафору. А метафора позволяет обеспечивать искомый лаконизм, когда словам тесно, а мыслям просторно. Вот как сказано у Гёте – поэта-мыслителя и учёного в его «Фаусте» :

*Не трогайте далёкой старины,
Нам не сломать её семи печатей
А то, что духом времени зовут
Есть дух профессоров и их понятий
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают* [9, с. 63-64].

ТРЕТИЙ кит – Ироничность, если, пользуясь метафорой – сравнением Фридриха Шлегеля, понимать Иронию как «самую высшую из всех вольностей»². Причём здесь очень важно акцентировать внимание на нравственной сущности иронии: Ирония, (по Ф Шлегелю) как произвол ВТОРИЧНА по сравнению с иронической природой вещей и мира. В нашей книге – «Возвращение к недосказанному» ценности иронического аспекта в феномене синкретизма

² Как известно, братья Шлегели – Август и Фридрих – авторы учения о т.н. «Романтической» иронии, в которой рассматривали иронию в 3-ёх ипостасях: Ирония, как ОНТОлогический принцип, Ирония, как ГНОСЕОлогический принцип и Ирония как принцип ТВОРЧЕСТВА, связанный с этикой. В сущности, как бы прелюдией к этим 3-ём позициям, можно назвать их призыв рассматривать иронию как выражение незамкнутой динамики мира и познания, чувства ЦЕЛОГО. Их стилю была присуща фрагментарность, афористичность и стремление к синтезу науки, искусства, философии (в лице метода герменевтики) и религии.

посвящена 2-ая глава [10, с. 31] А здесь нельзя обойти вниманием возможность появления сомнений даже у вдумчивого читателя. Некоторые из них могут сомневаться в позитиве иронии, связывая с её присутствием негатив разрушительной силы. Мы же убеждены как раз в созидательной роли этого творческого дара – способности иронического анализа самых серьёзных вещей. И тогда, в конце 18-ого-начале 19-ого тексты братьев Шлегелей оказывались сложны для восприятия, т.к. содержали причудливые парадоксы, и тем более сейчас, в первом десятилетии нашего века их афоризмы ещё ждут своих будущих исследователей.

Строгость аргументации не разрушается и не подтачивается эрозией иронии, напротив, благодаря ироничности убедительность аргументации обретает особую ёмкость. И тогда оказывается, что понятия «острота ума» и «остроумие» - очень близкие родственники, хотя и не тождественные друг другу. Впрочем, есть ещё более редкий дар – (дита матушки РЕФЛЕКСИИ) – самоирония. Но эта способность так же нечасто встречается, как подлинная мудрость. Недаром философичность несводима ни к эрудиции, ни к житейскому опыту и хитроумию. А вот синтез опыта, знания и интуиции - самая верная основа и для самоиронии и для мудрости...

Но наша концепция интегративности и взаимодополнительности вряд ли может быть ограничена проявлениями синкретизма и его продуктивности. Не менее важны и интересны для исследования феномены «меж» и «транс» - дисциплинарности. Некоторые авторы предпочитают 1-ое из 2-ух родственных понятий, другие – расшифровку «транс» ограничивают отношениями между научными и вне-научными типами знаний. Так, И.Т. Касавин соотносит контуры нескольких типов междисциплинарности, из которых два-три вполне могут быть отнесены и к рангу трансдисциплинарности. Вот их перечень, который он предлагает для краткости начинать с буквы «М»: «М - взаимодействие»; «М - обмен» - перенос смыслов из одной дисциплины – в другую; критика, заимствование, и, наконец СИНТЕЗ [11, С. 65] Надо отметить, что автор, уделяя особое внимание концепции Гутнера Г.Б. справедливо подчёркивает ситуацию с возрастающей ролью коммуникации. А позиция Гутнера – обнаружение и анализ смещения акцентов в сторону коммуникативного действия, которому придается первостепенное значение [12].

Но ведь слово коммуникация – всего лишь технологическое производное от давно известного понятия СВЯЗЬ. Похоже на то, что в философии вообще, а в философской методологии – особенно возвращается интерес к полузабытому 1-ому принципу диалектики, только в новой, более современной одежде. Причём, не менее модное слово «Риски» рискованно, но не безответственно становятся с ними рядом. Как известно со времен старины Гегеля, 2-ым принципом диалектики было принято считать СТАНОВЛЕНИЕ (о котором, как было сказано выше, предпочитают говорить психологи), а 3-им, конечно – РАЗВИТИЕ. Получается, что развитие технологической цивилизации косвенно оказывает воздействие на сферу достаточно высоких абстракций, казалось бы, вполне обособленно существующую вдали от её реалий. Перешагнув через полосу отчуждения от классики – т.е. через увлечения постмодернизмом, мы вдруг, опомнившись, замечаем, что не можем обойтись без понятий, подсказанных еще древними (всё уже было под Луной). Просто одеваем их, эти понятия, в новые одежды. Зато материнская плата понятия

Связь, подарившая нам и её «дочерей» - взаимно-обусловленность и взаимодополнительность (благодаря участию Нильса Бора и его принципа дополнительности), по-прежнему способно стимулировать попытки исследователей вернуться в лоно гегелевского вывода, что Взаимодействие есть Causa Finalis - причина конечная всех вещей.

В перечень ключевых понятий к этой статье мы включили и понятие многомерности. Авторство этой дефиниции принадлежит Л.Н. Богатой, чьи идеи нам очень близки³, а вышедшую недавно её монографию «На пути к многомерному мышлению» считаю столь же новаторским, сколь и фундаментальным исследованием одной из самых актуальных философских проблем, обращённых к будущему [13, с. 86]. В одном из подразделов Введения - «Нить обретения многомерности» автор великодушно предлагает рассматривать цитирование как «ценный когнитивный инструмент» (что немало меня утешило), позволяющий создавать некий «ЭФФЕКТ МНОГОМЕРНОСТИ». Не может не импонировать практика, (которую Л.Н. считает допустимой), соотнесения фрагментов произведений авторов из разных исторических эпох и «разных парадигмальных установок», которых объединяет единственное – предмет мысли.

Но кроме «разных исторических эпох», предметом напряжённой мысли исследователей путей к многомерному мышлению и направленной на постижение смыслов бытия и является будущее. Ведь оно интересует не только футурологов и экспертов по макро-экономике - будущее, которое нас уже НЕ ожидает. Оно, уже пришло, это будущее, оно уже здесь, только присутствует отнюдь НЕ в одеждах невидимок. И открывается не только самым проникательным из фантастов-мыслителей, но разумеется философам, наделённым кроме способностей к теоретическим абстракциям, ещё и даром публицистики т.н. экстра-класса. Оказывается это будущее столь же АССИМЕТРИЧНО, как и наш современный мир. А.В. Юревич, автор статьи об асимметрии будущего⁴, приводит знаменательное восклицание А. Тоффлера: «ОСТАНОВИТЕ МИР, я хочу сойти!» - в книге футуролога и замечательного публициста, показаны «тяжелейшие психологические последствия СЛИШКОМ БЫСТРОГО развития цивилизации» и информационной нагрузки на человечество, создаваемое развитием науки и технологий» [14, с.70] Если Валерий Сагатовский назвал одну из своих главных книг: «Философия развивающейся гармонии», то время её написания – 2-ая половина 90-ых, (докризисное и полное надежд и некоторых иллюзий) т.е. накануне пришествия нового тысячелетия. А вот его же доклад на одной из конференций в 2005-ом, уже - с заголовком –вопросом – БУДУЩЕЕ ? А ОНО У НАС ЕСТЬ? – полон сомнений и скепсиса, и эти сомнения в способности человечества справиться с «метаморфозами бытия и небытия» (как назвал свой последний труд М Каган), вполне естественны и оправданы.

³ В 3-м разделе этой книги, где речь идёт и о пространстве многомерного мышления (3.1) автор соотносит интересную концепцию пространства Шпенглера и не менее интересную - Флоренского, тщательно вникая в логику обеих, но явно предпочитая способ П.Флоренского «монтирования общего пространства произведения из отдельных локальных пространств». На наш взгляд, сама концепция МНОГОМЕРНОСТИ МЫШЛЕНИЯ - вполне самостоятельный опыт оригинального «монтирования» разных локальных пространств в единое, но очень многомерное пространство.

⁴ См. Вопросы философии. - 2008. - №7. - С. 80

Вместо заключения нам, прежде всего, необходимо вернуться к заглавию этого текста и объяснить хотя бы пунктирно наше внимание к понятию «СТИЛЬ», а в особенности – к «стилю мышления». У Сергея Аверинцева в его статье о «подступах к явлению Лосева», стиль обозначен как феномен мировоззренческий [15, с. 318-326]. А для нашего опыта исследования явлений, родственных синкретизму (а их уже набирается целый «букет») оказалось, что именно тенденция взаимокасаний (intertouch – интертач) разных сфер в процессе постижения мира и поиска смыслов своего бытия формирует особый стиль мышления и выражения мысли. Давний авторский интерес к роли индивидуальности в науке и философии, а, следовательно, индивидуального стиля познания и выработки ценностных ориентаций не мог ограничиться только наукой или только философией. Кстати, немалым подспорьем в наших поисках сопредельных сфер осмысления мира оказали работы Бахтина М., чье определение мы здесь и приводим: «...единство приёмов оформления и обусловленных ими приёмов обработки и приспособления ...материала мы называем Стилем» [16]. Разумеется, Бахтин более всего интересовал феномен авторства в художественном творчестве, ну а нас проблема автора увлекла, как проявление индивидуальности стиля мышления в науке и философии. Оказалась, что до сих пор остаётся наименее исследованной проблема автора (а значит и индивидуального стиля) именно в научной деятельности. Что же касается философии, то на наш взгляд, преимущества индивидуальности более всего раскрываются через стиль эссе – как в устном воплощении (доклад или реплика в полемике), так и в письменном, особенно, если дар эссеизма-синкретизма работает на ниве просвещения и публицистики. И теперь, задаваясь вопросом о будущем, позволим себе соотнести нашу тревогу о будущем когда-то единого отечества и стилем мышления его наиболее продвинутой и ответственной (и, увы, наиболее расколотой) части мыслящего человечества.

Если лучшие умы всего спектра и гуманитарного, и естественно-научного знания останутся верны традиции общения в строго академическом ключе друг с другом – это естественно, ведь их «птичий» язык терминов и формул делает их широко известными и понятными в узком кругу. Но это – позиция замыкания в той самой диогеновой бочке, которую пора преодолеть, А на наш взгляд, востребованность философа зависит и от его искусства коммуникации, т. е. культуры общения и владения аудиторией. Здесь не только интеллектуальная и профессиональная готовность к импровизациям, остроумным парадоксам и даже неожиданным паузам – для смены ритма и как бы приглашения к сотворчеству в поиске ответа на трудный вопрос. Ибо тот самый синкретический стиль, о котором мы так мало успели рассказать выше, как СИНТЕЗ научного, философского и художественного осмысления темы и её подачи «к столу аудитории» - не есть ли одно из важнейших условий успешной востребованности истинного философа.

Вывод. Возвращение к почти утерянной роли просветительства оказывается невозможным без живого контакта, здесь, как в музыке – концертное исполнение в живом звуке освящает артистизм подлинностью присутствия и приобщения к мастерству.

Список литературы

1. Гейм А. и Новоселов К. Мы не делаем физику, мы делаем науку. Русские идут за нобелевкой / А. Гейм и К. Новоселов. – «Московский Комсомолец», - 2010. 20-26 октября. – с. 15.

2. Архангельская А.С. Трансдисциплинарность как метод для исследования феномена подлинной интеллигентности // Культура народов Причерноморья / А.С. Архангельская. – Симферополь. 2008, №134. – С. 216-218.
3. Самосознание культуры и искусства / Гальцева Р. Западно-европейская культурология между мифом и игрой. М.- С-Пб: 2000. – 485 с.
4. Андроников И. Поэзия мысли/ И.Андроников // Литературная газета. №2. - 1973.
5. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении / В.Н. Сагатовский. - СПб.: 2005. – 280 с.
6. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. Пер. с англ. Е.Рачковой/ Маслоу А. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2002. – 265 с.
7. Каган М. Метаморфозы бытия и небытия. Онтология в системно-синергетическом осмыслении / М. Каган. - С-Пб.: Logos, 2006, - 370 с.
8. Чаргафф Э. Горячка разума/ Э.Чаргафф // «Химия и жизнь». №5. - 1978, - С. 63-69.
9. Гёте И. Фауст / И.Гёте. - М.: «Ин. л-ра», 1960. – 247с.
10. Архангельская А.С. Возвращение к недосказанному. Сборник статей и эссе. Философические беседы/ А.С.Архангельская. Симферополь, 2009. – 240 с.
11. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии / И.Т. Касавин //«Вопросы философии». №4, 2010.- С. 65 - 72.
12. Гутнер Г.Б. Риск и ответственность коммуникативного действия Г.Б. Гутнер // «Эпистемология и философия науки». №4, - 2008. - С. 18-26.
13. Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению/ Л.Н. Богатая.- Одесса, 2010, – 362 с.
14. Тоффлер А. Шок будущего/ А. Тоффлер. - М.:Прогресс, 2002. – 352 с.
15. Аверинцев С. «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева/ С. Аверинцев // София – Логос – Словарь. - Киев, 2001 – С.318-326.
16. Бахтин М.М. Проблема автора /М.М. Бахтин // «Вопросы философии». №7, 1977.- С.157-163.

Архангельська А.С. Майбутнє за синкретизмом? (до питання про стиль мислення) // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – С. 3-11.

Автор пропонує стисло версію концепції інтегративності пізнавальних та ціннісних підходів (гносео-аксіологічних) для позначення плідної ролі синкретизму, як стилю мислення.

Ключові слова: взаємодоповнюваність, синкретизм, інтегративність, трансдисциплінарність, багатовимірність, стиль мислення, інтертач (intertouch).

Arkhangelskaya A.S. Is there a future for syncretism? (to the style of thinking question) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 2. – P. 3-11.

The author gives us short version of conception learning and value steps for noting fruitfulness role - as style of thinking.

Key words: complementarity, syncretism, integrativity, transdisciplinarity, multidimensionality, style of thinking, intertouch.

Статья поступила в редакцию 20.10.2010